

УДК 008 (5 кит)
ББК 83 000.4

Мяо Хуэй,
аспирант,

Дальневосточный федеральный университет
(690922, Россия, г. Владивосток, Остров Русский)
e-mail: 13803619456@163.com

Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур¹

Строительство КВЖД и приток русских эмигрантов вызвали быстрый рост города Харбина, привели к усложнению его культуры. Эмигранты, которые занимали важное место в структуре населения города, оказали значительное влияние на харбинскую жизнь, внося в неё элементы русской культуры. В статье показано, как влияние русской культуры прослеживается в одежде, в кулинарии, в украшении жилищ, в наименованиях улиц и районов Харбина, в архитектуре, в градостроительстве, в распространении смешанных браков и в других сферах. Одновременно происходил прямо противоположный по направленности процесс освоения эмигрантами китайской культуры.

Харбин как крупный город Китая, центр культуры, в основе которой лежало ханьское начало, также оказывал глубокое влияние на культуру русской диаспоры. В статье делается вывод о том, что в результате образовалась городская культура, вобравшая в себя китайские и русские компоненты. Эта смесь различных культур придавала харбинской городской культуре уникальность и неповторимость. Со временем, в силу исторических обстоятельств, именно обратное влияние китайской культуры стало приобретать определяющий характер. Окончательно процесс «китаезации» завершился при жизни китайско-русских потомков, появившихся в результате смешанных браков, которые со временем стали равноправными членами китайского общества и гражданами китайского государства. Этот процесс может служить одним из примеров культурной интеграции в человеческой истории.

В статье используются методы исторического исследования, сравнения и сопоставления, семиотического подхода, абстрагирования и идеализации.

Ключевые слова: русская диаспора, китайско-русская культура, культурное взаимодействие, идентичность.

Miao Hui,
Postgraduate Student,
Far East Federal University
(Russian Island, Vladivostok, Russia, 690922)
e-mail: 13803619456@163.com

Russian Immigrants in Harbin: Interaction of two Cultures²

The construction of the Far East segment of the Trans-Siberian Railway and influx of Russian immigrants caused a rapid development of Harbin, making its town culture much more diverse. Gradually, Russian immigrants became an important group of Harbin population contributing considerably to Harbin's cultural life. The paper demonstrates how Russian culture made a dramatic impact on fashion, cuisine, houses interior, architecture, street and district names, emergence of mixed marriages and other spheres of town culture.

The city serving as a key political, economic, and cultural and communications hub in Northeast China, in its turn, influenced the culture of Russian Diaspora. This shaped the unique character of Harbin's town culture with its two major components – Russian and Chinese. Moreover, due to the long-lasting cultural contacts, and particularly mixed marriages, family ties, business partnerships there began the process of mutual enrichment of the two cultures, which ignored national borders and cultural differences. This period of the Harbin history may serve as an example of full cultural integration.

The author applies the historical semiotic approach, methods of comparison, abstraction and idealization.

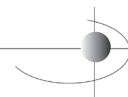
Keywords: Russian Diaspora, Chinese-Russian culture, cultural interaction, identity.

В начале 20-го века, с открытием КВЖД, в Китае появилась и стала бурно развиваться группа городов, связанных со строительством и обслуживанием железной дороги в провинции Хэйлунцзян. Особо важное значение приобрёл железнодорожный узел КВЖД – Харбин, который быстро превратился в международный центр. Расположенный на бере-

гах Сунгари, которая несёт свои воды вдоль городских кварталов, образуя прекрасные пейзажи, Харбин начинал железнодорожную магистраль, пересекающую всю Евразию. Город с европейской застройкой, с удобными путями сообщения, логистикой и обширными информационными потоками привлекал внимание эмигрантов. В 1922 году приток

¹ Работа выполнена при поддержке Хэйлунцзянского образовательного бюро, проект 12532403

² The work is supported by Heilongjiang Bureau of Education, the project # 12532403

эмигрантов в Китае достиг почти 200 000 иностранцев [1, с.18], значительную долю которых составляли выходцы из России, в том числе русские и еврейские переселенцы. На месте Харбина постепенно образовался открытый и толерантный к различным светским и религиозным культурам международный коммерческий центр, поражающий приезжих своей деловитостью, энергией, верностью и преданностью делу. Очень скоро Харбин стал пользоваться популярностью и деловой репутацией. По степени интернационализации его можно сравнить с такими признанными культурными центрами, как Париж, Лондон, Нью-Йорк, Москва. Харбин стал чудом современной китайской урбанизации [4, с. 3]. В 20-х и 30-х годах XX века порт Харбина, известный в культурных и деловых кругах как «Восточная Москва», превратился в центр международной торговли. Харбин стал центром моды в одежде, в еде, в искусстве кино, театра, в музыке и т. д. Здесь появился первый пивоваренный завод в Китае, первый кинотеатр, первая музыкальная школа, первая балетная труппа, первый симфонический оркестр. В городе строились церкви европейского стиля, везде можно было увидеть современные бары, рестораны и другие постройки. Русская эмигрантская культура была не одинока: в Харбине в этот период присутствуют представители и иных европейских культур, которые так же оказывают своё влияние на культурный облик города, усиливая его своеобразие, образуя харбинскую архитектурную культуру, культуру питания, культуру религии с уникальным международным калоритом. Только в Маньчжурии удалось сохранять на протяжении нескольких десятилетий своеобразную русскую культурную среду, которая не растворялась в море не менее своеобразной китайской культуры. Этому способствовал целый ряд обстоятельств [3, с. 267].

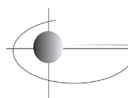
В Китае, по подсчётам Г. Мелихова, максимальная численность русской общины, учитывая и членов семей, в 1921 году составляла 288 тыс. человек [5, с. 58]. По данным журнала «Харбинское краеведение», в 1922 году русские эмигранты в Харбине насчитывали до 155 402 человек [7, с. 7]. Они являлись самой крупной частью эмигрантского сообщества и играли более важную роль в экономической, социальной и культурной жизни провинции Хэйлунцзян, чем другие эмигрантские круги. Поэтому в «хэйлунцзянской» заграничной культуре преобладала русская культура, именно она оказала самое заметное влияние на культуру Харбина.

Русская литература, а в более широком контексте русская культура вообще, представленная фильмами, религией, архитектурой, питанием, одеждой, привычками русских людей, их поведением в быту и т. п., повлияла на жителей провинции Хэйлунцзян, заимствовалась ими, вошла частично в их образ жизни. Интенсивным культурным контактам способствовала деятельность самой железной дороги как дешёвого транспортного средства перемещения грузов и пассажиров, как стимула для привлечения рабочей силы и предпринимательских усилий, как благоприятной среды для инвестиций [13, с. 83].

КВЖД, построенная Россией почти столет тому назад, привлекла в Китай много русских эмигрантов, следствием чего Харбин своей архитектурой стал отличаться от многих китайских поселений. В результате сформировался особый стиль, не похожий на стиль традиционных китайских городов [10, с. 10].

Влияние русских эмигрантов и их потомков на харбинскую городскую культуру проявлялось во многих сторонах общественной жизни, особенно в области городского планирования, городской архитектуры. А архитектура является наиболее заметным фактором, определяющим многие стороны городской культуры.

В период создания города Харбина планировщики и проектировщики выбрали самую высокую точку города, где стояла Свято-Николаевская церковь в Наньгане (теперь кольцо Хунбо), в качестве центра, от которого лучами расходятся шесть главных улиц по направлениям: восток, запад, юг, север, северо-запад и северо-восток. Тем самым была определена основная структура и форма комплексного планирования и застройки города Харбина, которая продолжается до сих пор. Такая концепция планирования города, согласно которой за отправную точку берётся главное сооружение или центральная площадь, от которой лучами расходятся улицы по основным направлениям, воплощает русский градостроительный стиль и особенность российских городов. Она сильно отличается от традиционной модели строительства древних китайских столиц, например, таких как Пекин и Сиань. Эти древние города характеризует другая концепция планирования, вначале определяющая северо-южную осевую линию, вокруг которой потом происходит строительство улиц, что в плане похоже на форму решётки, напоминающей китайский иероглиф “井”.

Названия улиц в Харбине носят смешанный характер: некоторые получили имена в соответствии с русскими традициями, другие были названы в китайском стиле, но встречаются и улицы, которые носят экзотические названия, оставшиеся от колониальных времён. После 20-х годов XX века было предпринято несколько попыток внести порядок в названия улиц, но многие из них по-прежнему несли на себе след русской культурной истории. Вообще, в ранний период истории Харбина названия улиц можно разделить на русские и китайские. В свою очередь русские названия улиц были разделены на три вида. Во-первых, названия улиц, которые получились от имён российских знаменитостей или фамилий влиятельных русских эмигрантов. Здесь можно назвать Хорватовский проспект (ныне улица Чжуншань), Хилкова улица (ныне Участковая), осталась и пользуется прежним названием улица Гоголя в Наньгане и др. Во-вторых, некоторые имена улиц происходят от русских названий территорий, стран и регионов, как например, улица Бельгия (ныне улица Билэ в Наньгане), Балканская улица (ныне Вашанская улица в Наньгане) и т. д. В-третьих, многие именованья ведут своё начало от названий сооружений: казарм, церквей, и др. Это такие улицы, как Казачья (ныне улица Гао-и в районе Даоли), и даже улица Министерство (сегодня в Наньгане улица Ляньбу), Церковная улица (ныне Гэсинь) и так далее. Но имеются и улицы, названные изначально в китайском стиле, например улица Мадягоу (огород) и др.

В городе Харбине русский архитектурный стиль занимает ведущее положение. Это положение определялось естественной средой, материальными ресурсами, существующим социальным и историческим фоном и рядом других обстоятельств.

По данным исследований, природная среда и географическое положение Харбина объективно легче принимали стиль русской архитектуры. Харбин начал строиться в местности, чрезвычайно богатой природными ресурсами – песком, гравием, диким камнем, глиной. Он находился в транспортном узле КВЖД, где сходилась ряд транспортных артерий, что позволяло быстрее и легче доставлять нужные строительные материалы и топливо. В субъективном отношении большинство архитекторов, планировщиков и дизайнеров, происходили из интеллигенции царской России, которая в архитектурном стиле сознательно или бессознательно использовала привычные для неё строитель-

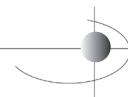
ные конструкции – купола, колонны, фризy, барельефы, резные украшения и другие элементы традиционной русской техники строительства.

Хотя в начале строительства Харбина наблюдалось сильное влияние русской культуры, тем более, что долгое время в структуре населения русские эмигранты и их потомки занимали значительное место, так что Харбин по праву носил название «Восточной Москвы», со временем это воздействие ослабло. Как неотъемлемая часть территории Китая и крупнейший международный космополитический город Северо-Восточной Азии город Харбин с архитектурной точки зрения имеет очень яркое культурное своеобразие, которое определяется наличием и традиционной китайской архитектуры, и элементов русского архитектурного влияния, и европейской архитектуры стиля барокко, классической архитектуры эпохи Возрождения, романтического стиля XIX века, и многих других типов и стилей.

Социальная культура является частью культуры общества, несущей в себе богатое содержание и выполняющей многообразные функции. Это находит своё отражение в самом понятии, наполненном разнообразными смыслами. Оно включает всё необходимое для жизни человека – одежду, питание, жильё, транспорт, быт, нравы, обычаи, язык и другие элементы. В качестве носителей иной социальной культуры, русские эмигранты привили населению Харбина многие новые обычаи, привычки, нравы, формы поведения, неизвестные им ранее. Постепенно формировались уникальные особенности культуры повседневности, в которой сочетались традиционные китайские ценности и русские культурные заимствования. Эти изменения заметны.

Во-первых, под влиянием одежды, которую носили русские эмигранты, произошли изменения в привычках, манере одевания, стиле одежды, эстетических вкусах китайского населения Харбина.

Поэтому стиль, манеры носить одежду, которые выработали у себя харбинцы, стали отличать их не только от других китайцев, но и получили известность во всём мире. Харбинцы, как отмечали исследователи, «не носят присущие китайцам традиционные одежды, а предпочитают европейские костюмы, особенно с необходимыми часами, кольцами, и даже сегодня соблюдают эти привычки» [3, с. 232]. Эта манера одеваться сохраняется до сих пор. И сегодня, когда наступает осень и

становится холодно, можно увидеть, как женщины на улице ходят в коротких или длинных пальто, шерстяных юбках и сапогах. Это придаёт улицам города Харбина уникальный вид, неизвестный другим городам Китая.

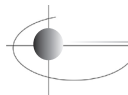
Во-вторых, произошли значительные изменения в питании. Как отмечается в «Краеведении услуг Харбинского общественного питания», Харбинская европейская кухня насчитывает около 50 видов названий холодных блюд; супов – 56 видов; 137 видов напитков, из них холодных напитков – 18 видов; 108 видов блюд из мяса; из дичи – 50 видов; 41 вид продуктов из птицы, мучных изделий – 19 видов. Всё это разнообразие продуктов, общим количеством 572 вида европейских блюд, имеется на различных столах разных ресторанов. Многие из этих блюд были завезены русскими эмигрантами [12, с. 255]. Стоит отметить, что пиво импортировалось ещё в 1900 году для того, чтобы удовлетворить потребности армии и эмигрантов в Китае. Известный русский предприниматель Улубулевский открыл в Харбине первый пивоваренный завод [1, с. 263]. Впоследствии под влиянием русской диаспоры харбинцы, которые вначале не понимали вкуса этого напитка, постепенно влюбились в него так, что привычка пить пиво широко распространилась. Можно сказать, что пить пиво уже стало традицией харбинцев. В последние годы, каждым летом в Харбине проводится пивной фестиваль, во время которого на Центральном проспекте Харбина можно увидеть китайских граждан и иностранных туристов с кружкой пива в руках.

В-третьих, значителен вклад русских эмигрантов в культуру украшений жилища. Харбинцы всегда уделяли большое внимание внутренней отделке дома. У них до сих пор сохраняется традиция, согласно которой при получении новой квартиры необходимо произвести её украшение. В результате этого в Харбине получил развитие рынок отделочных материалов, который постепенно распространился и во всём Китае. С появлением русских переселенцев в моду вошли паркет и ковёр. Но эти детали убранства несут и утилитарное значение: при холодном климате, который характерен для Харбина, использование ковров и паркета становится не только эстетической необходимостью, но и средством утепления жилища.

Но самое важное влияние, которое оказывает та или иная культура, имеет язык. С помощью языка передаётся большая часть информации, поэтому именно язык является важнейшим средством коммуникации куль-

тур. Русский язык и сегодня очень популярен в Харбине. Многие СМИ – радио, газеты, телевидение, печатная продукция так или иначе используют русский язык. Начало этому процессу распространения русского языка как коммуникативного средства положила ещё русская эмиграция. В ходе организации строительства КВЖД, а по мере его завершения и эксплуатации, языком делового общения с необходимостью выступал русский язык. Ведь для многих технических устройств, используемых при строительстве и эксплуатации железной дороги, попросту не было их китайского аналога. Тем более русские эмигранты в деловых контактах с посредниками и рабочими использовали русский язык. Таким образом, знание русского языка для многих харбинцев было производственной необходимостью. В результате многие горожане, да и не только они, получили хорошие знания в области русского языка. В своей повседневной жизни большинство харбинцев могут говорить немножко по-русски, и даже некоторые русские слова вошли в жизнь города. В качестве примера можно привести следующие слова: 列巴 (хлеб), 布拉吉 (платье), 里道斯 (грубая колбаса), 葛兰 (кран), 瓦罐 (вагон), 玛达姆 (мадам), 扫鞞子 (солдат), 戈比旦 (капитан), 八杂 (базар), 笆篱子 (тюрьма), 魏德罗 (ведро) и др.

Кроме того, надо отметить, что ледяной фонарь и снежная скульптура, которые украшают Харбин зимой, уже стали его типичным брендом, который привлекает в город туристов со всего мира. Эта культура так же была тесно связана с деятельностью русских эмигрантов и с их религиозными воззрениями и праздниками. Существуют соответствующие записи, согласно которым 19 января 1922 года во всём Харбине в 23 православных церквях в одно и то же время загудели колокола, собирая благочестивых православных христиан на службу. После её окончания верующие выходили из церквей на реку Сунгари, где собирались вокруг огромного кристального чистого ледяного креста. Здесь и происходило торжественное крещение на льду реки. Перед епископами располагались ледяные столы, на которых лежала Библия. Эти две ледяные скульптуры – крест и стол, можно рассматривать как самые ранние произведения ледяного искусства Харбина [2, с. 136]. В 1935 году во время Крещения благотворительная больница «Дом Милосердия», открытая русскими эмигрантами на улице батальона Мадягоу, проводила фестиваль, на котором организовала выставку ледяных

скульптур с религиозной тематикой. Были выставлены скульптуры, сделанные учителями и детьми, представляющие уменьшенные копии церквей, христианских храмов, крестов различных форм, православных икон и мелких животных. С этого события проведение фестиваля ледяных скульптур стало традицией Харбина [6].

Влияя на китайскую городскую культуру, передавая ей новые слова, моду, формы искусства, новые формы транспорта – железные дороги, русские эмигранты сами испытывали на себе воздействие необычной для них и уже поэтому интересной китайской культуры. Мы могли бы сказать, что это был период взаимодействия и взаимовлияния двух дружеских культур, во время которого каждая из культур делилась самыми лучшими из своих образцов, в свою очередь, усваивая из культуры соседей наиболее ценные для неё элементы.

Пожалуй, наиболее ценным и самым распространённым каналом взаимовлияния культур можно назвать брачные отношения, в результате которых происходило образование и укрепление смешанных семей. Именно смешанная семья явилась тем средством, которое позволило российским гражданам и их потомкам постепенно сломать расовые, национальные и этнические барьеры и имеющиеся культурные различия.

Окончательно завершился исторический процесс «китаизации» в потомках от смешанных китайско–русские браков, которые являются наиболее типичными образцами.

Согласно наиболее распространённой классификации физической антропологии мировое человечество делится на три расы: европеоидную, монголоидную и негроидную, иногда их делят по цвету кожи на белую, жёлтую и чёрную. Русские относятся к белой, европеоидной, расе; большинство китайцев – к жёлтой, монголоидной. Эти расы имеют заметную разницу в физической характеристике.

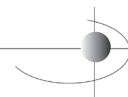
В общем, физические различия между различными расами тесно связаны в первую очередь с генетикой. В теории результаты биологического существования рас не могут быть ни хорошими, ни плохими. В реальной культуре именно биологические различия в коммуникации чаще всего воспринимаются как источник конфликтов. В качестве примера можно указать на существование до середины XX века расовой дискриминации в США и апартеида в Южной Африке.

Но между русскими эмигрантами и китайскими жителями в Харбине не существовало чёткой границы, вызванной расовыми различиями, напротив, с самого начала смешанные браки между ними являлись очень распространённым явлением. После окончания строительства КВЖД породнившиеся китайско-русские семьи первого поколения вернулись в Россию. В то же время есть многие русские, состоящие в браке с местными жителями, оставшиеся в Харбине. Среди них встречаются как русские квалифицированные рабочие, оставшиеся со времени постройки КВЖД, так и прибывшие после октябрьской революции русские белоэмигранты, а также многие из приезжих русских, прибывшие в Харбин после китайской реформы Открытости.

Со временем, в третьем и четвёртом поколении детей от смешанных браков русских и китайцев, наследуемые признаки белой расы постепенно ослабевают и уже трудно различимы для глаз. На этом завершается процесс биологической «китаизации». Но те культурные формы, которые были переданы русскими эмигрантами и вошли в культуру Харбина, остаются в ней, занимая видное место в культурной жизни горожан.

Национальная идентичность является политическим понятием, под которым подразумеваются признание своего государства, освоение его ценностей и норм жизни, политики, культуры, национальной принадлежности и т. д. Сублимацией идентичности нации и культуры является национальная идентичность, которая считается самым высоким проявлением в признании личности, на что обратил внимание учёный Фу Маолень (Сингапур). В своей статье «Этническая идентичность, культурная самобытность (идентичность) и национальная идентичность» он отметил: «Этническая идентичность является краеугольным камнем культурной идентичности, культурная идентичность является клеящим веществом национальной идентичности. А национальная идентичность является сублимацией этнической идентичности и культурной самобытности и принадлежит к высокому уровню идентификации. Этническая идентичность, культурная идентичность, национальная идентичность – это три элемента Троицы, которые существуют между тремя взаимодополняющими отношениями» [8, с. 12].

Согласно этому положению, по своему происхождению харбинская группа русских эмигрантов в основном делилась на три ка-

теории: одна из них – переехавшие в Китай во время строительства КВЖД; вторая образована русскими эмигрантами, покинувшими Россию перед Октябрьской революцией и после неё; третья группа представлена небольшим количеством русских эмигрантов, которые были направлены в Харбин советским правительством.

С середины 20-х годов XX века, после регистрации гражданства, постепенно стали советскими гражданами и лица без гражданства. А затем в 1954 году, после того, как советское правительство потребовало репатриировать русских граждан, проживающих в Харбине, некоторые из эмигрантов выехали в западные страны, другие остались в Китае, но приняли китайское гражданство. Это доказывает, что процесс «китаизации» для них принял более глубокие формы.

Для многих русских эмигрантов, покинувших в последствии Харбин, ностальгия по России была вытеснена таким же острым чувством тоски по Китаю, как своей второй родине.

Исследователи отмечают, что некоторые потомки харбинских русских эмигрантов, даже имеющие родственников в России и поддерживающие с ними периодические контакты, в целом считают себя принадлежащими китайскому народу, испытывают большую идентичность к Китаю, а не к России [9, с. 45]. Культуролог С. А. Черкашина указывает, что «молодое поколение эмиграции... по-иному, чем старшее поколение, воспринимало столь отличную от европейской древнюю культуру и было готово осваивать и усваивать чужие культурные ценности, сопоставляя их с русской традицией» [11, с. 18]. В соответствии с основными теориями социологии, национальная идентичность относится к одному из признаний идентичности личности.

Если мы говорим, что в 20-х годах XX века часть русских эмигрантов и их потомков отказались присоединиться к советскому гражданству, то это, возможно, было тесно связано с историческими обидами и политическими ориентациями.

В 1954 году, когда КНР стала социалистическим государством, которое приобрело одинаковую с Советским Союзом политическую систему, некоторые бывшие граждане России и их потомки всё же предпочли остаться в Харбине и приняли китайское гражданство. В теории это можно рассматривать как признание Китая и желание эмигрантов добровольно войти в большую семью китайского народа. Если мы отвлечёмся от некоторых

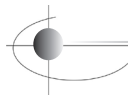
конкретных личных причин, то должны признать наличие у русских эмигрантов сильной ориентации на идентичность с китайской культурой, которая являлась важным фактором существования.

Этническая идентичность является ещё одной важной формой идентичности личности. По нашему мнению, важнейшим элементом нации является её культура. Нации отличаются друг от друга различиями культурных основ.

Результаты опроса показывают, что в 1954 году, когда часть китайско-российских потомков вступали в китайское гражданство, большинство выбирало себе нацию хань, которая является основным этническим образующим Китая, а не русскую нацию, которая составляла в КНР этническое меньшинство. И этот выбор произошёл при условии, что в соответствии с последовательной политикой китайского правительства меньшинства могут пользоваться рядом льготных прав в политике, экономике и распределении социальных ресурсов [9, с. 46]. Это явление показывает, что культурные идентичности к «нации хань» китайско-российских потомков вышли за пределы русской культуры. Переход русской эмиграции к китайскому гражданству, от русской нации к ханьской национальности, завершает процесс «китаизации» русской эмиграции в Харбине.

Можно сказать, что русская эмиграция и её потомки на протяжении двух-трёх поколений претерпевали существенные изменения, в результате которых произошла полная замена их этнической идентичности и утверждение новой национальной, культурной и этнической идентичности с китайским народом.

Большинство русских эмигрантов из первого поколения родились и выросли в России. В связи с различными историческими причинами они приехали в Харбин и остались там. Некоторые из них вступали в браки с местными жителями, в том числе образовывали семьи с ханьцами. Но в культурном отношении они продолжали сохранять многие русские традиции, такие как диета, в которой непременно присутствовал хлеб, колбаса, сыр и другие продукты. Русские эмигранты сохраняли русский язык в качестве родного, в основном придерживались православия. Таким образом, даже если в общественной жизни обнаруживалось большое влияние ханьской культуры и появлялась необходимость говорить на двух языках – на русском и китайском, несмотря на чувство признательности и благодарности к Китаю, они всё ещё счита-

ли себя принадлежащими к русскому народу. Поэтому в национальной идентичности они не отождествляли себя с Советским Союзом, даже если их было много. Но в своей культурной и этнической идентичности они по-прежнему склонялись к России.

Второе и третье поколение китайско-русских потомков родились и выросли в Китае. В их среде под долгосрочным китайским культурным влиянием, усиленным ещё и состоянием брака с местными ханьцами, стали усиливаться элементы китайской культуры.

Хотя некоторые из них унаследовали от своих родителей вместе с происхождением и традиционную русскую культуру, но после создания нового Китая, в 30-х гг. XX в., во время эвакуации правительства Советского Союза, многие из эмигрантов решили выбрать для себя китайское гражданство и причислить себя к ханьской национальности. Это показывает, что есть различия в национальной, этнической, культурной идентичности между родителями и их детьми.

Можно сказать, что «китаизация» в основном была завершена в третьем поколении.

Начиная с четвёртого поколения, китайско-русские потомки хотя и не полностью забыли своё историческое происхождение, глубоко врезавшееся им в память, в своей культуре продолжали сохранять часть русской традиции; но в идентичности личности было достигнуто национальное, этническое, культурное единство и окончательно завершён исторический процесс «китаизации».

С конца XIX века по настоящее время русская харбинская эмиграция и её потомки прошли через более чем столетний период взлётов и падений. Начиная со строительства КВЖД, на котором были заняты три-четыре тысячи работников, после Октябрьской революции эмиграция выросла до 150 тысяч. (Некоторые исследователи утверждают, что количество эмигрантов достигло более 200 тысяч человек). В последующие годы численность эмиграции постепенно снижалась, но всё же оставалась на высоком уровне, насчитывая десятки тысяч людей. В 1954 году, после эвакуации по требованию советского правительства, сокращение продолжалось до нескольких тысяч человек [9, с. 46].

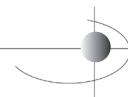
Изменялось и лицо русской эмиграции: первоначальная царская эмиграция, которая пользовалась значительными привилегиями, изменилась до состояния беглецов, вынужденных переселенцев. К середине XX века оставшиеся эмигранты по своему социальному положению значительно отличались как от привилегированных эмигрантов царской России, так и от русских эмигрантов – беглецов времён революции, Гражданской войны, первых годов советской власти. После начала регистрации гражданства в Харбинском консульстве образовалось два типа личности: эмигранты Советского Союза и белые русские без гражданства. После 1954-го года вследствие отзыва эмигрантов советскими властями большинство из них возвратились на Родину, часть переехала на Запад, оставшиеся вступили в гражданство КНР и лишь единицы оставшихся в городе Харбине сохранили статус эмигранта.

С исторической точки зрения происхождение и изменение идентичности русской эмиграции тесно связано, с одной стороны, с внутренней ситуацией в России и социальными изменениями, а с другой стороны, определялось международной обстановкой, сложившейся в Северо-Восточной Азии и геополитикой.

Русская эмиграция, проживающая в Харбине, принесла русскую культуру в Китай, долгие годы сохраняла её и распространяла в ближайшем окружении. Одновременно происходил и прямо противоположный по направленности процесс – освоения китайской культуры. Со временем именно обратное влияние китайской культуры приобрело определяющий характер, так что китайско-русские потомки, появившиеся в результате смешанных браков, сломали расовые, национальные, этнические границы, окончательно завершили процесс «китаизации», стали равноправными членами китайского общества и гражданами китайского государства. Процесс, происходивший в среде русских эмигрантов, имеет важное эмпирическое и теоретическое значение и является отправным пунктом в понимании истории и практики культурных контактов различных рас, национальностей и различных этнических групп.

Список литературы

1. Ли Синган. Плывущий лотос в буре. Русские эмигранты в Китае. Пекин: Бюро перевода и редактирования ЦК КПК, 1997. 432 с.
2. Ли Шусяо. Харбинская историческая летопись. Харбин: Изд-во Харбина, 2000. 423 с.
3. Лю Цзинянь. Записки мирского шума. Харбин: Изд-во Синь Хуа Харбина, 1929. 292 с.
4. Ма Вэйюнь. КВЖД и Хэйлунцзянская культура. Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2010. 210 с.
5. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Ин-т Истории РАН, 1997. 245 с.

6. Русские переехали в Харбин: обычаи, традиционные верования [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://bbs.news.163.com/bbs/guoji/116416844.html> (дата обращения: 05.12.2012).
7. Составляющая краеведение Комиссия района Наньгана Харбина. Харбинские краеведения. Харбин: Изд-во Харбина, 1994. 238 с.
8. Фу Маолянь. Этническая идентичность, культурная идентичность и национальная идентичность // Сингапурская утренняя газета. 1999. 12 апр.
9. Ху Боя, Лу Гань. Смесь Харбинской русской диаспоры и китайско-русской культуры // Вестник Хэйлунцзянского социалистического института. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 6. С. 45–46.
10. Цзян Сюе. Влияние русского архитектурного стиля на Харбинский городской архитектурный стиль: дис. ... магистра литер. наук / Харбинский политехн. ун-т. Харбин, 2011. 69 с.
11. Черкашина С. А. Культурная деятельность русской эмиграции в Китае (1917–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2002. 18 с.
12. ЧжаоТянь. Краеведение Харбинского общественного услуги-питания. Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского народного изд-ва, 1991. 455 с.
13. Чэнь Цюцзе. Влияние КАЖД на численность населения Харбина // Россия и АТР. 2011. №1. С. 83.

References

1. Li Singan. Plyvushchii lotos v bure. Russkie emigranty v Kitae. Pekin: Byuro perevoda i redaktirovaniya TsK KPK, 1997. 432 s.
2. Li Shusyao. Kharbinskaya istoricheskaya letopis'. Kharbin: Izd-vo Kharbina, 2000. 423 s.
3. Lyu Tszinyan'. Zapiski mirskogo shuma. Kharbin: Izd-vo Sin' Khua Kharbina, 1929. 292 s.
4. Ma Veiyun'. KVZhD i Kheiluntszyanskaya kul'tura. Kharbin: Izd-vo Kheiluntszyanskogo un-ta, 2010. 210 s.
5. Melikhov G. V. Rossiiskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924 gg.). M.: In-t Istorii RAN, 1997. 245 s.
6. Russkie pereekhali v Kharbin: obychai, traditsionnye verovaniya [Elektronnyi resurs]: [sait]. URL: <http://bbs.news.163.com/bbs/guoji/116416844.html> (data obrashcheniya: 05.12.2012).
7. Sostavlyayushchaya kraevedenie Komissiya raiona Nan'gana Kharbina. Kharbinskie kraevedeniya. Kharbin: Izd-vo Kharbina, 1994. 238 s.
8. Fu Maolyan'. Etnicheskaya identichnost', kul'turnaya identichnost' i natsional'naya identichnost' // Singapurskaya utrennyaya gazeta. 1999. 12 apr.
9. KhuBoya, Lu Gan'. Smes'Kharbinskoi russkoi diaspory i kitaisko-russkoi kul'tury // Vestnik Kheiluntszyanskogo sotsialisticheskogo instituta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2010. № 6. S.45–46.
10. Tszyan Syue. Vliyanie russkogo arkhitektornogo stilya na Kharbinskii gorodskoi arkhitekturnyi stil': dis. ... magistra liter. nauk / Kharbinskii politekhn. un-t. Kharbin, 2011. 69 s.
11. Cherkashina S. A. Kul'turnaya deyatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae (1917–1945 gg.): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2002. 18 s.
12. ChzhaoTyan'. Kraevedenie Kharbinskogo obshchestvennogo uslugo-pitaniya. Kharbin: Izd-vo Kheiluntszyanskogo narodnogo izd-va, 1991. 455 s.
13. Chen' Tsyutsze. Vliyanie KAZhD na chislennost' naseleniya Kharbina // Rossiya i ATR. 2011. №1. S.83.

Статья поступила в редакцию 09.02.2015